

СОВРЕМЕННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ: ОРИЕНТАЦИЯ НА НОВЫЕ ПОДХОДЫ

В эпоху становления информационного социума и развития информационно-коммуникативных процессов меняется структура научного знания, происходит переосмысление роли субъекта в познавательной деятельности, выстраиваются новые субъектно-объектные отношения, закладываются основы новой рациональности. В статье проанализированы современные подходы к процессу познания, а также роль междисциплинарности.

Ключевые слова: эпистемология; междисциплинарность; научная рациональность.

Развитие информационных технологий, становление информационного общества, формирование инновационной экономической системы, основанной на ценности знаний, обусловили трансформацию социальной, культурной, экономической и других систем, что послужило формированию принципиально новой структуры социума – социума знаний. В данных условиях предметом пристального внимания ученых становятся смыслы и векторы таких реалий, как «постиндустриальное», «информационное» общество, «постмодерн». В то же время нельзя не заметить, что в условиях «высоких» глобализационных тенденций очевидным является факт духовной деградации человека, утраты им культурной ориентации, подмены культуры цивилизационными комплексами. Очевидно, что сегодня цивилизацию покидает «душа культуры», это уже сигнал к возвращению и обновлению вечных смыслов культуры, человека их бытия в новой цивилизации. Вокруг этих очевидных ситуаций и разворачивается познавательный процесс, возникает новая познавательная аура, которая обращается к опыту различных областей знания, включая социальные и гуманитарные науки, восстанавливая в правах эмпирического субъекта как «смыслового фундамента» знания, обращается к иной онтологии – человеческой духовности, укорененной в культуре, к иной традиции – гуманитарно-герменевтической, культурно-исторической» [1. С. 9–10].

Современные исследователи отмечают изменение отношения общества к процессу познания, появлению новых наук, новых методологических проблем, на что указывают в своих работах В.С. Степин, В.А. Лекторский, В.Е. Кемеров, Л.А. Микешина, П.П. Гайденко и др. Этот факт обусловлен, прежде всего, как уже отмечалось выше, изменениями в характере жизни современных обществ. В подобных условиях происходит развитие научного знания, осуществляется переосмысление проблемы роли субъекта в процессе познания, субъектно-объектных отношений, сущности объективности и объективности, в новой интерпретации представлена роль коммуникативности в процессе познания, происходит трансформация структуры научного познания, развитие новой рациональности и специфической междисциплинарности.

В таких новых условиях развития научного знания впервые, как отмечает Л.А. Микешина, появляется реальная возможность интеграции, синтеза не только между различными науками, но и между всеми видами творческой деятельности. На этом фоне «...новые тенденции и задачи пробивают себе дорогу в эпистемологии: сохранив и переосмыслив фундаментальные результаты трансцендентальной философии, выявляя новые аспекты трансцендентальности, расширяя ее

понимание, обнаруживая иные ее формы, виды, функции и значения» [1. С. 6]. Новые аспекты трансцендентальности связаны с развитием и иным осмыслением социального и гуманитарного научного знания. «Этим самым обнаруживается его эпистемологическая полноценность и самодостаточность, пусть даже эмпирический и трансцендентальный уровни представлены в нем в иной «пропорции» и в иных формах, нежели в естественных науках» [2. С. 50].

Мы исходим из того, что социальность познания выражается через коммуникативные, деятельностные отношения субъектов и процесс познания невозможен вне активного усилия этих коммуницирующих субъектов, использующих тот или иной способ выполнения познавательной деятельности. Однако вслед за рядом современных исследователей мы констатируем тот факт, что в связи с развитием и новым осмыслением социального и гуманитарного знания осуществляется и развитие категории трансцендентальности, а следовательно, и трансцендентального субъекта, и также происходит уточнение категории эмпирического субъекта.

Понятие трансцендентального субъекта было введено в философию И. Кантом; согласно его понятию, трансцендентальный субъект есть «объективное единство самосознания», логический принцип. Мыслительная деятельность, которая применяет на практике чистое «Я» как принцип, удостоверяющий синтез, который называется у И. Канта «рассудком»; именно в рассудке, по мысли философа заключается вся полнота априорного синтеза, а рассудок, обладая способностью мыслить предмет как трансцендентальный объект, т.е. как объект достоверный, а не просто истинный, представляет собой трансцендентальный субъект.

Сегодня меняется само представление о трансцендентальности субъекта, поскольку происходит уточнение и развитие категории эмпирического субъекта, возникает «необходимость осмыслить категориальное понятие “эмпирический субъект”, его сложную когнитивную структуру. Это предполагает экспликацию двухуровневости (многоуровневости) субъекта как разных степеней абстракции и разных типов всеобщего» [1. С. 7], – полагает Л.А. Микешина, акцентируя внимание на необходимости целостного подхода к субъекту познания, основываясь на единстве трансцендентального и эмпирического, при этом характеристика эмпирического субъекта выступает телесностью человека. Категория телесности как понятие, введенное в неклассической философии, конституировано в контексте традиции, преодолевающей трактовку субъекта в качестве трансцендентального и вводящего в философскую проблематику такие феномены, как сексуальность, аффект, перверсии, смерть (Ф. Ницше, С. Кьер-

кегор, Ф. Кафка). Мы же обращаемся к данной категории для того, чтобы аргументировать необходимость целостного подхода к субъекту познания. Такой подход, необходимый в рамках процесса познания, значительно обогащает содержание категории субъекта в современной эпистемологии и философии науки.

Целостный подход представлен К. Ясперсом в работе «Смысл и назначение истории», в которой выделяется четыре уровня описания человеческого «Я», эти уровни представляют различные стороны и характеристики деятельности субъекта [3]. Уровень первый – это «Я» как эмпирический природный индивид, субъект, бытийствующий в пространстве и во времени. На этом уровне субъект постигается, изучается психологией и биологией, но интересует также и теорию познания, поскольку она рассматривает субъекта как единство духовного и телесного. Второй уровень представляет субъекта как «сознание вообще», как трансцендентальную субъективность. Л.А. Микешина, акцентируя внимание на этом уровне интерпретации субъекта К. Ясперсом, отмечает, что «так понимаемый субъект представлен в логике, трансцендентальной философии, в теоретических науках в целом. Если эмпирический субъект действителен и существует в пространстве и во времени, то трансцендентальное «Я» лишь значимо, а не действительно» [1. С. 7]. На третьем уровне субъект предстает как единство мышления, деятельности, «духа» – чувств. Как носители «духа» индивиды объединены в целостность и существуют как «тождество различных», в отличие от «сознания вообще», когда общность субъектов основана на полной тождественности, отсутствии различий. И, наконец, четвертый уровень, когда субъект понимается как экзистенция, бытийственная характеристика человеческой реальности, «бытие в мире». К. Ясперс говорит о целостности субъекта через единство всех его четырех уровней. Последние два уровня представлены в социальной философии, социально-гуманитарных науках.

Таким образом, несомненно, что восстановление субъекта «в правах» в рамках современной эпистемологии реализуется в фокусе междисциплинарности, взаимосвязи естественно-научного и социально-гуманитарного знания. Но также «...эпистемологический анализ осуществляется в этих случаях в ином «пространстве и времени» знания, когда выходят за пределы организационных и типологических границ дисциплинарного и внедисциплинарного знания – научного, вненаучного, повседневного, рецептуарного и другого... эпистемолог, как и положено философу должен исследовать любые формы реального знания, существующего в обществе и культуре в целом» [4. С. 80]. Иначе можно сказать, что познающий субъект входит в ситуацию не просто как гносеологический субъект, а в качестве носителя социокультурного кода той или иной среды, условий жизни, эпохи.

Познавательная ситуация расширяется, поскольку для современной эпистемологии наиболее актуальным становится стремление соотносить собственный понятийный аппарат с человеком в целостности всех его проявлений. Обращение к целостному человеку обогащает понятийный аппарат философии познания, расширяет поле рациональности за счет обращения к сис-

теме ценностей, традиции и т.д., генерируемых и используемых человеком. Также расширение поля рациональности осуществляется в развитии знания феноменов довербального, допонятийного, субъектно-объектного уровня в целом. На это обстоятельство обращает внимание Л.А. Микешина, подчеркивая, что «дефицит» такого рода имеет «парадоксальный характер», т.к. требуемый массив понятий в мировой философии богат и разнообразен, но его применение «запрещалось» категориями классической рациональности, рациональности «закрытой», которая проявляется в своей отчужденности от эмпирического человека его жизненного мира [5. С. 77–78]. Сегодня же так называемый «антропологический поворот» в философии требует пересмотра традиционной, гносеологической установки и осознания новой онтологии человека. Антропологизация познания отражает тенденцию к отказу от классической традиции – проводить жесткую демаркационную линию между человеком и внешним миром.

Обращение к целостному человеку требует и пересмотра сущности объектности, объективности. Сегодня, как полагают исследователи, уже нельзя мыслить о природе, не мысля о человеке. Реальные предпосылки к такой постановке вопроса были созданы тогда, когда в сферу науки были включены такие объекты, «...как исторически развивающиеся сложные системы взаимосвязи и взаимопереходы между ними, к числу таких систем относятся не только биосфера, метагалактика и Земля как системы геологических, биологических и техногенных процессов, но и природные (природно-социальные) комплексы, в которые включен человек (биотехнология, экология, информатика, социокультурная сфера и т.д.)» [6. С. 100]. Так создаются условия для изменений в понимании объекта научного познания, «усложняется объектная сфера науки за счет включения в нее новых объектов, значительная часть которых сама является порождением научно-технологического развития», а это означает, что речь идет «о новой систематизации природных характеристик, в результате которой человек входит в картину мира не как вещь, наряду с прочими вещами, а как системообразующий принцип, как начало всех координат и исходный пункт всякого знания о мире», и это значит, что «мышление о таких объектах (о таком мире) неразрывно связано с характеристиками познающего субъекта: средствами познания, целями, ценностями». Таким образом, стремление субъекта «вписаться» в окружающий мир, познать его через призму человеческих целей, ценностей и ориентиров с необходимостью ставит вопрос о развитии новых представлений о научной рациональности, которая в основе своей должна иметь единство субъективности и объективности, «смысловую сопряженность этих понятий».

Возникновение открытой научной рациональности является системообразующим фактором современной науки. Новая научная рациональность отрицает противопоставление философии и науки, не считая философию чем-то внешним по отношению к науке, по сути дела снимаются противоречие и соперничество между философией и наукой. «При этом философствование предстает как некий уровень рефлексии науки, вырастающий из ее внутренних потребностей и ресурсов. Наука начинает

философствовать, демонстрируя тем самым определенный уровень своего самосознания» [7. С. 36].

Открытая рациональность проявляется как открытость неопределенности, нелинейности, случайности и в известной мере хаоса. Изучением и исследованием этих явлений занимается синергетика, выступающая в качестве научной методологии, характеризующей открытую рациональность. Более того, как общенаучный метод синергетика дает импульс развития открытой научной рациональности и получает встречный отклик. Благодаря такой динамике возникают научные дискуссии, инспирирующие междисциплинарные коммуникации. Появляется множество междисциплинарных научных исследований, в результате которых и стали возникать новые научные дисциплины.

Итак, в процессе изменений, происходящих в познании, очевидным становится факт междисциплинарности, подчеркивая специфику этого этапа междисциплинарности в условиях трансформации процесса познания, исследователи называют его феноменом междисциплинарности. Процесс междисциплинарности, отношения между естественными науками и социально-гуманитарными или, как говорит В.А. Лекторский, науками о человеке интерпретировался по-разному на различных этапах истории научного познания. Развитие этого феномена сопровождалось острыми дискуссиями, «...сегодня предмет этих дискуссий может быть понят существенно по-новому. Это связано в первую очередь с теми изменениями, которые нынче происходят как в естественных науках, так и в науках о человеке» [8. С. 44].

В.А. Лекторский, подчеркивает, что те процессы, которые сегодня происходят в познании, «можно представить как эпистемологическое и методологическое сближение социально-гуманитарных и естественных наук по целому ряду направлений. Мы сегодня можем констатировать, что и их предметность, и их инструментарий и даже цели не столь уж разнонаправлены и, уж во всяком случае, вполне соотносимы» [8. С. 44–45]. На основании анализа этих процессов В.А. Лекторский делает вывод о том, что сегодня целесообразно по-новому интерпретировать характер научного знания, в рамках которого можно говорить о новом типе интеграции естественных наук и наук социально-гуманитарных. Но при этом ученый предупреждает, что речь не идет о возникновении некой единой науки, о которой мечтали логические позитивисты, поскольку всегда будут существовать серьезные различия не только между естественными и социально-гуманитарными науками.

И.Т. Касавин в работе «Философия познания и идея междисциплинарности» акцентирует внимание на том, что междисциплинарное взаимодействие – это естественное состояние науки. Также автор указывает на то, что «междисциплинарное взаимодействие физики, биологии, кибернетики, психологии и философии порождает ряд методологических подходов и программ на стыке формирующихся дисциплин, что дает эпистемологии и философии науки новые импульсы, открывает новые перспективы» [9]. Однако при этом исследователь замечает, что такое междисциплинарное взаимодействие – это не простое заимствование результа-

тов, сформулированных той или иной дисциплиной. Наоборот, в рамках философии ассимилируются те знания, которые проблематизируют положение дел в философии и науке, это относится к научным результатам, образующим эмпирический базис эпистемологических исследований.

Социально-гуманитарная теория, пережив кризис марксистско-материалистической идеологии, выходит сегодня на уровень междисциплинарности. В широком аспекте ее исследований возникают новые научные направления, такие как глобалистика, культурная семантика, культурная антропология и др. Уже сами названия этих направлений и дисциплин свидетельствуют о том, что актуализируется проблема гармонии человека и мира, когерентности микро- и макрокосмоса, глобального и локального. И в этой ситуации может быть все-сторонне использован методологический потенциал теории самоорганизации с применением и учетом точек бифуркации, флуктуаций, аттрактора. Синергетика снимает дихотомию наук о природе и наук о духе, акцентируя внимание на развитии сложности, становления, случайности. В результате этого синергетический подход утверждает гармонию человека с миром, ищет пути сотрудничества и соразвития, «гармоничного упорядочивания мира духа и мира природы». Синергетика, таким образом, находится в русле общих тенденций развития культуры, общества и науки и, несомненно, согласуется с поисками новой рациональности.

Другим методологическим принципом, который имеет универсальную методологическую значимость и может быть использован в эпистемологии, является принцип дополнительности, сформулированный Н. Бором в связи с интерпретацией квантовой механики. Естественно, принцип дополнительности нами используется в ином смысле, каким он обладает в квантовой физике¹. В.Н. Порус отмечает, что в этом смысле принцип дополнительности «может считаться фундаментальным принципом теории рациональности». Применение принципа дополнительности означает, что категория «субъект» раскрывается в «трансцендентальном», «коллективистском» и «индивидуально-эмпирическом» описаниях дополнительным образом, причем ни одно из этих описаний не является самодостаточным, ибо они, дополняя друг друга, создают целостного, гармоничного субъекта познания.

Однако недостаточно связать объективность с субъективностью, необходимо исследовать социально-культурную обусловленность субъекта, ибо вне этой обусловленности невозможен познавательный процесс. Субъект способен эффективно и результативно мыслить только в условиях исторического времени, социально-культурной реальной действительности, когда трансляция знаний и коммуникации между субъектами имеют определенный культурно-исторический контекст, в котором определена проблема эпистемологических ценностей. Таким образом, мы выходим на еще один «поворот» в развитии современной научной теории познания – коммуникативный.

Расширение гносеологических проблем, о которых мы говорили выше, связано с коммуникационно-информационными процессами, которые изменили весь стиль современной жизни. М. Маклюэн отмечал,

что «коммуникация воссоздает такую общину, то есть такую форму социального взаимодействия, при которой возникает режим “взрывного” сжатия пространства, времени, информации. Происходит интеграция знаний, имеющихся в отдельных науках, сливаются мысли с чувствами, сознание с реальностью. Мозг как бы выносится во вне...» [10]. В информационном обществе социальная трансформация осуществляется за счет развития науки, интенсификации научно-информационных технологий, новых коммуникативных практик.

«Начинать надо не с понятия действия, а с понятия коммуникации. Так как не действие, а лишь коммуникация является неизбежно социальной операцией» [11]. При разработке понятия коммуникации Н. Луман не ссылается ни на сознание, ни на жизнь, хотя это не означает, что коммуникация возможна без жизни или сознания. В основе его теории лежит понятие системы, а не действия. Н. Луман разработал концепцию общества как автопоэтической самореферентной системы. Элементами этой системы являются коммуникации, в том числе компьютерные коммуникации. Кроме выполнения профессиональных задач, компьютерная коммуникация уже охватывает всю сферу социальной активности. «Общим для компьютерных средств коммуникации является то, что... они не заменяют другие средства коммуникации... а укрепляют существующие социальные структуры... самым важным культурным воздействием компьютерной коммуникации потенциально может оказаться укрепление культурно доминирующих социальных сетей и рост их космополитизма и глобализации» [12].

Сегодня однозначно можно сказать, что компьютерная коммуникация выступает не только как новая коммуникационная технология, характерная для постнеклассического периода развития научного знания, но и как основание в формировании будущей культуры. Развитию нового коммуникативного пространства, пространства, «хребтом» которого является Интернет, способствует и использование нового метода – холистического. В условиях развития постнеклассической науки редукционистский метод, существовавший ранее в неклассической науке, дополняется холистическим методом, согласно которому целое важнее его составляющих и не сводится к ним. Холистический метод предстает как целостный подход к исследованию и пониманию окружающего мира. В рамках холистического подхода осуществляется системный анализ различных явлений, в которых целое представляется как нечто большее, чем простая сумма составляющих, и в данных условиях особо значимыми выступают связи и взаимодействия между частями целого как некоторой общей системы.

Таким образом, мы рассмотрели некоторые трансформации в процессе познания, развитие которого обусловлено социально-экономическими, культурными изменениями в современном социуме. Мы хорошо представляем, что познание не ограничено сферой науки и что процесс познания вне сферы науки также важен и интересен. Однако та рефлексивная переориентация, через которую мы обозначили новые подходы в современной научной теории познания, представляется нам важной и перспективной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мы, в частности, разделяем точку зрения Поруса В.Н., который полагает, что «дополняющие друг друга описания определенной реальности, будучи отторгнуты друг от друга, не только не дают целостного описания, но и могут вступить в противоречие с фактами, если претендуют на целостность, а не включают признание своей принципиальной неполноты. Можно даже сказать, что эти описания образуют сопряженную смысловую пару» [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Микешина Л.А. Эмпирический субъект и категория жизни // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 19, № 1. С. 5–16.
2. Микешина Л.А. Трансцендентальные измерения гуманитарного знания // Вопросы философии. 2006. № 1. С. 49–66.
3. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Изд-во полит. литературы, 1991. 528 с.
4. Микешина Л.А. Прорыв в новую эпистемологическую проблематику // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 19, № 1. С. 76–82.
5. Микешина Л.А. Философия познания: диалог и синтез подходов // Вопросы философии. 2001. № 4. С. 70–84.
6. Порус В.Н. Эпистемология: некоторые тенденции // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 93–112.
7. Буковская Н. Общенаучное значение синергетического подхода как метода открытой рациональности // Методология науки. Томск, 2002. Вып. 5. С. 36.
8. Лекторский В.А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке? // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 44–49.
9. Касавин И.Т. Философия познания и идея междисциплинарности // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. II, № 2. С. 5–15.
10. McLuhan M. City as classroom. N.Y., 1977. P. 79.
11. Луман Н. Что такое коммуникация? Режим доступа: http://www.soc.pu.ru/publications/pts/luman_3.shtml#top, свободный.
12. Luthmann N. Risk: sociological theory. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1993. P. 4.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 11 ноября 2009 г.